

между Москвой и Опочкой, возле которой расположено Михайловское; в 400 милях к югу от Петербурга, на запад от истоков Волги и на восток от истоков Западной Двины [20, т. 1, с. 27; т. 3, с. 115]. Расхождение расстояний от Петербурга настолько велико, что 400 миль надо считать недоглядом: скорее всего, это 400 км. Но вполне определенно указаны северная широта и восточная долгота. По современному административному делению это юго-восток Великолукской области, недалеко от границы со Смоленской областью.

Такие выводы делаются из сообщения романа, что Ларины ехали из имения в Москву на собственных лошадях семь суток и приблизились к Москве со стороны Тверской заставы. Но трудно понять, почему для «Онегинского уезда» Пушкин выбрал место, лежащее далеко в стороне от тракта Петербург — Москва, где он сам, вероятно, никогда не бывал.

В отличие от В. В. Набокова, Ю. М. Лотман совершенно справедливо, с нашей точки зрения, пишет: «Автор, видимо, сознательно обобщил место действия, удалив излишнюю его конкретизацию» [19, с. 249—250]. Однако далее он все же делает уступки географическому натурализму и локализует «Онегинский уезд» на карте, однако уже не там, где Набоков: сперва «в северо-западном углу России, вероятнее всего в Псковской губернии», а затем точно вокруг Михайловского [19, с. 250, 302—303].

В романе есть и другие географические пометы. В начале гл. 8 Муза олицетворена в Татьяне, и Автор говорит: *На прелести ее степные / С ревнивой робостью гляжу* [7, т. 6, с. 167]. Онегин не верит своим глазам: *Как! из глуши степных селений <...>* [7, т. 6, с. 172]. И местности, определенные Набоковым, и Псковская губерния никак не могут быть названы степными. Ю. М. Лотман полагает, что «степные» здесь значит «сельские» [19, с. 355]. Однако это соображение ничем не подкреплено, а «Словарь языка Пушкина» не дает ни единого случая употребления слова «степной» в значении «сельский». Ничтожный москвич Трике приезжает на именины Татьяны из Тамбова. Это близко, если имение Лариных находится среди степных селений, но далеко от Псковской губернии.

Скорее всего, Пушкин сознательно создал географическую неопределенность. Ю. Н. Чумаков обратил наше внимание на то, как Пушкин в несобственно-прямой речи Татьяны передает ее опасения перед поездкой в Москву: *нет, лучше и верней / В глуши лесов остаться ей* [7, т. 6, с. 150]. *В глуши лесов* — и рядом *из глуши степных селений*. Возникающая здесь географическая неопределенность соответствует и временной неопределенности, и поэтике противоречий [21], и всей поэтике художественного пространства. Очень важно направление работы поэта над текстом «Евгения Онегина». Сперва он связал место действия с Михайловским и его окрестностями, но потом эти связи устранил [19, с. 249]. Точно так же он сперва соотнес хронологию романа с большим историческим временем однозначными указаниями, а потом их устранил [1, с. 124]. Один и тот же процесс показывает сознательное стремление создать художественно многозначный образ пространства—времени.

Важную роль в организации художественного пространства играет вертикальное измерение [22]. Над основными персонажами «Евгения Онегина», над всеми его топосами, кроме Леты, простерлось небо. Татьяна живет в подлунном мире [10, с. 39—40], Ленский тоже. Подлунный мир — мир поэзии:

славен буду я, доколь в подлунном мире
Жив будет хоть один пиит.

[7, т. 3, кн. 1, с. 424]

Иначе изображено небо Онегина: он гуляет по ночному Петербургу,

Когда прозрачно и светло
Ночное небо над Невой,